

Собирая пространства

Category: Edebi makalalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Собирая пространства СОБИРАЯ ПРОСТРАНСТВА

Василий Голованов – сам себе проект, над которым давно уже пора думать как над самостоятельным культурным явлением, и над текстами его – как над отдельным жанром взаимодействия с миром. Слово «путешественник» – как, впрочем, и слово «писатель» – ничего особенного в Голованове не объясняют: оба слишком общие. Так же точно – как чересчур общее – вряд ли годится для жанрового определения его текстов и слово «травелог», формально вроде бы вполне подходящее: задача Голованова – не в том, чтобы описать всё, что с ним происходит по дороге.

Хотя по видимости только это он и делает – да ещё с подробностью, возрастающей, кажется, от книги к книге. В его словесном слежке с каспийского странствия – больше восьми сотен страниц, плотно заполненных обилием разнообразнейших сведений: от повседневных впечатлений автора, от едва ли не поминутно зафиксированных событий, от его разговоров со всеми, кто встретился по пути, записанных детально, с точностью вплоть до отдельных реплик; от случающихся с ним по мере увиденного мыслей, воспоминаний, ассоциаций – до основательных экскурсов в историю посещаемых мест – этническую, археологическую, военную, экономическую, с фактами и цифрами («если в 1840 году Россия продала Персии товаров на сумму 1 миллион рублей, а вывезли на 3 миллиона 500 тысяч, то в 1899-м эти цифры составили, соответственно, 17 859 000 и 21 696 000 рублей»).

Больше всего это похоже на небывалый синтез подробного дневника, из которого убраны даты, путеводителя, который вряд ли предназначен для повторения пройденного автором пути кем бы то ни было ещё, и энциклопедии, алфавитный порядок в которой заменён порядком перемещения автора по лицу земли. А ещё – описаний природы, антропологических, этнографических,

этнопсихологических очерков: описания человеческих типов, обычаев, манер взаимодействия, особенностей одежды, еды, речи... «За всё время, что я был в Иране, мне ни разу не доводилось слышать не только ругань, но и даже разговор на повышенных тонах, между кем бы он ни происходил – между продавцом и покупателем, между мужем и женой или просто между незнакомыми людьми, резко разошедшимися во мнениях. И уж тем более невозможно было представить себе, чтобы кто-нибудь повысил голос на ребёнка».

Ну, то есть, ни на что, по большому счёту, не похоже. Амбициозное предприятие по собиранию пространства, всех своих опытов с ним – и непосредственно-чувственных, и умозрительных – в одну громадную чашу текста. Большая утопия: не дать пропасть ничему. С очень важной, нигде, кажется, прямо не проговоренной, но всё время ощущаемой интуицией: в деле познания пространства, в деле контактов с ним нет ничего неважного. Голованов, собственно, так и говорит: «Путешествие нужно для знания мелочей. Это знание и есть свобода собственного суждения о мире». Важно буквально всё: как ты садишься в поезд, как этот поезд выглядит, как надеваешь очки, что при этом думаешь, что видишь, едучи, из окна; какие испытываешь телесные состояния («По совести говоря, я почти выдохся, моя майка провоняла потом, бесчисленные перегоны вымотали меня, голод скрутил мне кишки, и единственное моё желание сейчас – найти пристойный отель, поесть, принять душ и провалиться в сон»)... Обращаешься – весь целиком – в сплошное чувствилище.

Читатель выбирается из этого щедро-избыточного тома, перенасыщенный знаниями о чужом мире (мирах?), гудящий от них, как пчелиный улей. Но что за мёд вырабатывают обитатели улья? Голованов культивирует особенную разновидность мышления: мышление пространством, переживанием пространства. Такое, при котором в выработку и обработку смыслов втягивается не только вся совокупность знаний, начитанная автором к моменту отправления в путь, и даже не прежде всего она (а тексты Голованова – это тексты человека весьма образованного, книжного: посещаемые пространства он прочитывает через плотные

пласты своей образованности), но весь его чувственный аппарат. Перемещение по свету для него – способ ну не то чтобы разрешения проблем в собственных отношениях с самим собой и с миром, но, по крайней мере, – работы с этими проблемами, проживания их в принципиально новом модусе. Экзистенциальная практика, да. Разновидность ритуала с непредсказуемыми результатами.

Именно с такими целями отправляется Голованов в очередное своё странствие вокруг Каспия – по Азербайджану, по горному Дагестану, **по иранской Туркмении:**

«Ни мой остров, ни дом – в общем, хорошо обжитый, уютный и вполне пригодный для творчества домик под елями – больше не могут служить мне убежищем. Я чувствую, стрём нарастает. В мире что-то серьёзно сбоят. И сам я плохо приспособлен к этому миру. Поэтому новое путешествие <...> – это не попытка ускользнуть от кошмара реальности, чтобы обрести силы и поэзию за пределами привычного, а попытка взглянуть реальности в лицо. Войти в мир без иллюзий. Но и без страха понять: что в действительности происходит? Составить о происходящем собственное суждение. <...> Что я обнаружу и каковым будет это суждение – бессмысленно даже гадать. По-прежнему, как герой русской народной сказки, я отправляюсь в путь с неизменным напутствием: пойдёшь туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что...»

Голованов – испытатель и первооткрыватель самого себя. Пространство здесь – только средство, – хотя для него незаменимое. Не работают другие средства. А это, почему-то, – да. «Я, видимо, – признаётся автор, – так и не сумел найти другой метафоры Пути, кроме путешествия».

Устроенная же таким образом работа с собственными жизненными смыслами, в свою очередь, выводит автора на мысли об устройстве мира вообще. Всякое его путешествие – это способ прожить, осуществить в собственном телесном опыте связи, соединяющие друг с другом разные части мира.

«Можно, например, – пишет он, – вообразить себе пространство путешествия как модель мира. Мира, который почти уже стал единым целым, но в последние секунды перед этим спасительным

разделением как раз проходит фазу предельного разделения, отчуждения, вражды по крови, по вере, по узким своекорыстным интересам. В таком случае моя задача – в очередной раз, как астронавт, высадиться на поверхность незнакомой планеты, обнаружить её обитателей, установить контакт, научиться разбирать запахи и цвет, фактуру живого и шероховатость минералов, нащупать входные порты иных ценностных систем (ислама) и согласовать их с портами моего компьютера, на жёстком диске которого записана информация иного порядка».

Каждый раз – новая настройка зрения. Только такого, которое не только воплощено в глазах, но разлито по всему телу. Переорганизация чувственности.

Сам он называет то, чем занимается, «алхимическим претворением пространства в слово». Мне думается, дело сложнее – и индивидуальнее, редкостнее.

Ключом к Голованову для меня по сей день остаётся название одной из его книг: «Остров, или Оправдание бессмысленных путешествий». Оно кажется формулой, в которую свёрнуто устройство его работы с пространствами вообще. «Бессмысленных» – то есть лишённых смысла очевидного, лежащего на поверхности, всем понятного, практического, – но отсылающих к смыслам более глубоким, обеспеченных внутренними усилиями автора, – тем самым «оправданием».

На уровне работы со словом как таковым, с его плотью и смысловыми перспективами у него как раз не происходит никаких особенных открытий. Здесь даже ярких формулировок, строго говоря, немного. Напротив того, много слов случайных, разговорных, таких, что первыми подворачиваются под руку – главное, поймать и закрепить само внутреннее движение: «стрём нарастает», «что-то серьёзно сбоит»... Поэтому я бы рассматривала Голованова в ряду не столько литературном, сколько в философском – несмотря на то, что на уровень открытой философской рефлексии он выходит редко, для него это не самое интересное. Сформулировать идейную основу Голованова в словах в принципе возможно, но, будучи сформулированной, она окажется довольно бедна (при том, что с ней хочется всей душой согласиться). Это – идея единства мира, важности познания его

с разных сторон, разными средствами («я от души хотел бы, чтобы у этой книги был не один автор, а несколько: русский, европеец, иранец, дагестанец, туркмен, казах. Тогда мы увидели бы прикаспийское пространство с разных сторон, изнутри разных авторских и языковых картин мира»); идея важности и ценности взаимопонимания и взаимочувствия между непреодолимо разными людьми, несводимости мирового многообразия к общему знаменателю – и всё-таки его единства... Нет, словами не интересно. В таком общем виде мы это всё и без Голованова давно знаем.

Ему – и вот это в нём действительно самое интересное – важнее живой опыт, процесс живой выработки смысла, о котором никогда не знаешь, каким он окажется на следующем шаге. То, как это единство, взаимопонимание и взаимочувствие – или их невозможность – осуществляются здесь и сейчас, всякий раз на конкретном и неповторимом материале. Важен, кажется, тот самый едва уловимый момент, когда чужое и внешнее преобразуется в своё и внутреннее. Становится частью его собственной памяти, образует его собственную форму.

Потому-то Голованов не даёт себе жёстких смысловых заданий – он просто позволяет опыту осуществиться: «А в идеале нужно просто неторопливо впитывать впечатления, вести разговоры, дружить, жить – чтобы, в конце концов, подняться до какого-то неупрощённого, неполитического видения ситуации. Ведь, скорее всего, она складывается из бесчисленного количества разных факторов, разных судеб, разных представлений о будущем, которые мы, не приблизившись к ним, не в силах ни вообразить, ни определить».

Голованов – событие всё-таки прежде всего до- и постсловесное. Рискну сказать, что он – философ-практик, изобретший собственный тип проживания – а значит, и понимания – человеческой сущности.

(О книге: Василий Голованов. Каспийская книга. Приглашение к путешествию. – М.: Новое литературное обозрение, 2015)

Ольга БАЛЛА-ГЕРТМАН. Edebi makalalar